

Т. Г. Иванова

П. С. БОГОСЛОВСКИЙ И ЕГО ФОНД В РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА

1

К П. С. Богословскому (1890—1966) приложимы многие определения: фольклорист, литературовед, музеевед, историк, археолог, археограф, специалист по древнерусской литературе и по церковной старине.¹ Однако обобщающей, на наш взгляд, может служить дефиниция «уральский краевед». Вся научная деятельность этого видного ученого в конечном счете вытекала из его любви к Пермскому краю (и шире — к Уралу) и из желания познать историю родных мест в разных ее аспектах. Практически каждая тема, которой занимался исследователь, тем или иным образом была связана с Прикамьем.

В Рукописном отделе Института русской литературы находится обширный архив П. С. Богословского. Материалы ученого составили его личный фонд (ф. 690) и именную коллекцию древнерусских рукописей в Дрвелехранилище Пушкинского Дома (р. IV, оп. 29).

История поступления материалов П. С. Богословского в Пушкинский Дом выглядит следующим образом. О собранных ученым ценных историко-литературных документах, относящихся к разным столетиям, знали и в Перми, его родном городе, и в Ленинграде в Пушкинском Доме. Еще при жизни П. С. Богословского Государственный архив Пермской области начал вести переговоры с ученым о судьбе его архива. 6 ноября 1965 г. М. Плясова, директор Пермского областного архива, писала П. С. Богословскому: «... материалы Ваши являлись бы существенным дополнением к личным фондам наших земляков, уроженцев Пермского края, живших, работавших и отдавших много труда изучению Приуралья» (оп. 2, № 18, л. 1). В ответном письме П. С. Богословский, озабоченный сохранностью всего своего архива, а не только документов, связанных с Пермским краем, не дал окончательного согласия на передачу материалов в Пермь: «Казалось бы, всего естественнее передать весь свой архив в Пермский государственный архив, поскольку Прикамье — мой

родной край, и моя деятельность протекала многие годы в Перми. Но здесь возникают серьезные вопросы. Круг моих научных интересов очень широк, я работал в плане моих широких научных интересов. Поэтому в моем архиве есть материалы, выходящие по своему научному значению далеко за пределы уральской тематики. Как быть с этими материалами, не связанными с Уралом?» (оп. 2, № 18, л. 5).

Как следует из того же письма П. С. Богословского, к 1965 г. Пушкинский Дом уже вел с ним переговоры о приобретении его архива. Инициатором этих переговоров был известный собиратель древнерусских рукописей, заведующий Древлехранилищем Пушкинского Дома В. И. Малышев. Его, естественно, прежде всего интересовала коллекция памятников древнерусской письменности. Благодаря настойчивости В. И. Малышева вскоре после смерти П. С. Богословского (ученый скончался 28 февраля 1966 г.) ИРЛИ приобрел у его наследников несколько рукописей XVII—XIX вв. В отчете о поступлениях в Древлехранилище за 1966 г. В. И. Малышев писал: «В 1966 году мы образовали новое именное собрание рукописей, созданное на основе материалов, приобретенных у родственников Павла Степановича Богословского <...> Пока в нем всего 9 рукописей XVII—XIX веков, но мы надеемся, что в текущем году оно пополнится еще 80 рукописными книгами XVI—XIX веков исторического и литературного содержания». ² В следующем году именная коллекция П. С. Богословского пополнилась еще 18 рукописями. ³

Приобретения памятников древнерусской письменности делались вплоть до 1973 г. В настоящее время коллекция П. С. Богословского в Древлехранилище насчитывает 104 ед. хр. Наиболее ценны здесь рукописи XVII в.: «Хронограф» (редакция 1617 г.), «Стоглав», «Уложение царя Алексея Михайловича» и др. памятники. В списках XVIII в. представлены такие произведения древнерусской письменности, как «Казанская история», «Сказание о чудесах Казанской иконы Богородицы» и др. Интересный комплекс составляют рукописные книги, созданные в XVIII в.: «Сборник семинарских упражнений и од, посвященных Варфоломею, епископу Вятскому и Пермскому», «Книга инструкций капитану Андрею Рылееву» из Пермской провинциальной канцелярии 1774 г. и др. Внимание специалистов по древнерусской письменности в собрании П. С. Богословского привлек список редкого произведения «Повесть о Димитрии кесаре Римском». ⁴ Подробную характеристику древнерусской коллекции П. С. Богословского дают работы ученика П. С. Богословского А. И. Мазунина, поэтому на этой части архива ученого мы не останавливаемся. ⁵

Одновременно с приобретением древнерусских рукописей из собрания П. С. Богословского В. И. Малышев поставил вопрос о передаче всего архива ученого в Рукописный отдел Института русской литературы. В 1967 г., по-видимому, принципиальная договоренность по этому вопросу между наследниками П. С. Богословского, выполнявшими волю покойного ученого, и Пушкинским Домом была достигнута. В недатированном письме, которое мы относим ко второй половине 1967 г., В. И. Малышев писал Александре Николаевне Богословской, вдове ученого: «Вместо Г. Г. Шаповаловой

(хранитель фольклорного архива в ИРЛИ. — *Т. И.*), которая не может выехать по семейным обстоятельствам, к Вам выезжает З. Власова (тогда сотрудник Рукописного отдела ИРЛИ, ученица П. С. Богословского по Пермскому университету. — *Т. И.*). Она имеет те же полномочия от архива, какие имела бы Г. Г. Шаповалова. Ее задача — взять у Вас все, что связано с фольклором и русской литературой XIX—XX вв. Передайте ей, пожалуйста, всю переписку Павла Степановича, всю, всю, даже семейную (письма его отца, материнскую переписку, его братьев и т. д.). Поскольку его личный архив будет храниться у нас, надо, чтобы он был полон. Надо передать нам его личную документацию (дипломы, удостоверения об окончании учебных заведений, списки работ, отзывы о работах, семейные фотографии, разные справки о его работах и т. д. и т. д.). Передайте также все работы П. С. Богословского, находящиеся в рукописях, как печатные, так и не напечатанные, относящиеся к фольклору и русской литературе XI—XX вв.» (оп. 4, № 14, л. 1).

Вскоре З. И. Власова привезла большую часть архива П. С. Богословского в Пушкинский Дом. 4 марта 1968 г., как свидетельствуют документы из дела фонда, решением экспертно-закупочной комиссии ИРЛИ материалы архива ученого были куплены у его вдовы А. Н. Богословской. Тогда же З. И. Власова начала предварительную обработку фонда. В дальнейшем к этому фонду была присоединена переписка З. И. Власовой с родными П. С. Богословского, в которой обсуждались вопросы атрибуции материалов из его архива. Полная научно-техническая обработка фонда П. С. Богословского (ф. 690) была завершена в 1998 г. Все материалы составили 953 ед. хр. и разделены на 6 описей: Научные труды, записи фольклорных произведений, художественные произведения (оп. 1); Материалы к биографии и по деятельности (оп. 2); Переписка (оп. 3); Материалы родственников П. С. Богословского (оп. 4); Материалы других лиц (оп. 5); Коллекции (оп. 6).

В Пушкинский Дом поступил не весь архив П. С. Богословского. Часть документов ученого вместе с материалами его брата, Ивана Степановича Богословского (профессора медицины, пермского краеведа), была передана в Государственный архив Пермской области,⁶ где они образовали фонд 973.

2

Биография П. С. Богословского восстанавливается по материалам его личных документов, находящихся в описи № 2 фонда 690, и мемуаров, которые он писал в конце жизни в 1959—1961 гг.: развернутая автобиография (оп. 2, № 21), «Соликамские фрагменты» (вспоминания об учебе в местном духовном училище) (оп. 2, № 24), «Петербургские фрагменты» (об учебе в Петербургском историко-филологическом институте) (оп. 2, № 22, 23), «Гимназические фрагменты» (о преподавании в пермской гимназии) (оп. 2, № 25), «Университетские фрагменты» (о первых годах существования Пермского университета) (оп. 2, № 27), «Жизнь в могиле» (оп. 2, № 28, 29) и

«Казахстанские фрагменты» (о заключении в сталинских лагерях) (оп. 2, № 26).

Павел Степанович Богословский родился 17 (29) июня 1890 г. в с. Веретия близ Березниковского завода Соликамского уезда Пермской губернии. Род Богословских был потомственным родом священников. По семейным преданиям, их предок, Игнатий Иванов, происходил из г. Темников. Он учился в духовном училище, где и получил по приказу архиерея, посетившего училище в день праздника Иоанна Богослова, фамилию Богословский, дабы отличаться от своего полного тезки-однокашника. Дед П. С. Богословского, Михаил Игнатьевич, в юности неоднократно встречался со знаменитым Серафимом Саровским. Он вместе со своим братом Петром переехал из Мордовских земель в Пермскую губернию; Петр стал священником в Ленве, а Михаил дьячком в одном из приходов. В старости он принял схиму под именем Никифор и скончался в 1909 г. в монастыре Белая Гора. Степан Михайлович Богословский, отец П. С. Богословского, закончил духовную семинарию и хотел продолжить образование в одном из университетов, но отец его настаивал на духовной академии. Тогда С. М. Богословский уехал работать учителем в Ленву, где был приход его дяди Петра. Здесь он встретился со своей будущей женой, Екатериной Федоровной Антипиной, тоже учительницей. Брак с ней и необходимость содержать семью побудили его в конце концов принять священнический сан (см. письмо неустановленного лица, родственника Богословских, к Ивану Степановичу Богословскому, брату П. С. Богословского, — оп. 4, № 50).

Знаменательными в становлении будущего ученого стали 1901—1904 гг., когда он вместе с братьями (из девяти детей зрелого возраста достигли пять сыновей Богословских) жил вдали от родной семьи в Соликамске, учась в местном духовном училище. Отец и мать очень ответственно относились к воспитанию детей, и поэтому, беспокоясь о возможном негативном влиянии на них проживания в общежитии училища, решили поселить своих сыновей «на хлебах» у одного из самых уважаемых жителей Соликамска — протоиерея Преображенской церкви Николая Фотиевича Поносова. Соликамск, с его богатой историей и прекрасными памятниками архитектуры, стал для П. С. Богословского важным фактором в формировании его краеведческих интересов. Мальчиком присоединялся он к любительским раскопкам Владимира Николаевича Поносова, сына протоиерея, который исследовал соликамские рвы.

В доме Поносовых П. С. Богословский обнаружил для себя еще одну точку притяжения — богатую библиотеку: «К дому Поносовых примыкал небольшой садик. В нем были старые-старые березы и липы, но самая большая ценность садика заключалась в большой, остекленной беседке, стоявшей в середине сада <...> Что же там?.. Через стекла ничего толком не рассмотришь. Осторожно потрогал дверь. Она не заперта. Боязливо открыл, заглянул и ахнул... Беседка вся была наполнена книгами. Книги на столе, стоявшем посередине; книги кругом на скамейках, расположенных кругом; книги под столом. Масса книг, многие в переплетах, иные разорваны. Немало

журналов. Какое богатство! Какое счастье! Я даже задрожал от восторга...» (оп. 2, № 24, л. 12—12 об.).

Чтение было одним из самых главных увлечений юного П. С. Богословского, чему способствовала и библиотека Поносовых, и система обучения в Соликамском духовном училище. Судя по воспоминаниям ученого, это учебное заведение отнюдь не напоминало бурсу, которую описал Н. Г. Помяловский в своих знаменитых «Очерках бурсы». Все учителя в мемуарах П. С. Богословского охарактеризованы только положительно — как строгие и вдумчивые наставники юношества. Преподаватели следили, чтобы книга была обязательным предметом занятий учеников, направляли их круг чтения, разъясняли непонятное.

Поощрялись в училище и различного рода письменные работы. В своих мемуарах П. С. Богословский с гордостью вспоминает, как он получил оценку «пять с плюсом» за сочинение «Моя родина», где давалась характеристика Березниковского завода. Ценилось в семинарском окружении также пение. Помимо обязательного богослужебного пения, в котором участвовали ученики, Соликамск, как и любой провинциальный русский город, был пронизан стихией народной песни и романса. Во многих домах звучали гитара и балалайка. Рано полюбил пение и П. С. Богословский.

Осенью 1904 г. семья Богословских из Березниковского завода перебирается в Пермь. Главным побудительным мотивом для переезда явилась опять-таки забота родителей о том, чтобы дать сыновьям хорошее образование. Здесь П. С. Богословский заканчивает Пермскую духовную семинарию и в 1909 г. поступает в Петербургский историко-филологический институт на отделение русского языка и словесности. Его учителями были академик В. В. Латышев (курс по классической филологии), А. К. Бороздин (древнерусская письменность и народная поэзия), А. К. Булич (русский язык), Д. К. Петров (западно-европейская литература), П. А. Кулаковский (славистика), С. М. Середонин (русская история). Параллельно с Историко-литературным институтом П. С. Богословский с 1911 г. учился в Археологическом институте, обучение в котором было двухгодичным. Здесь он слушал лекции у Н. Н. Веселовского (по первобытной и христианской археологии), С. Ф. Платонова (по юридическим древностям), И. А. Шляпкина и П. А. Лаврова (по славяно-русской палеографии), Н. П. Лихачева (по дипломатике).

Непосредственным учителем в Историко-филологическом институте для П. С. Богословского стал А. К. Бороздин. Именно под его руководством на первом курсе П. С. Богословский пишет работу по сборникам былин Н. Е. Ончукова, А. В. Маркова и А. Д. Григорьева. В следующем году предметом его сочинения стала литературная и фольклористическая деятельность Н. М. Языкова. Приобщился в студенческие годы П. С. Богословский и к изучению памятников древнерусской письменности, в частности, на одном из курсов ему пришлось писать работу по «Путешествию столыника П. А. Толстого за границу в 1691/92 гг.».

Петербургский период был очень важным в жизни П. С. Богословского, обогатившим его кругозор. В воспоминаниях ученого подробно говорится о культурной жизни студенчества. Спектакли в

Мариинском, Александринском, Панаевском театрах, гастроли Московского художественного театра, Ф. И. Шаляпин и В. Ф. Комиссаржевская, Русский музей имени Александра III и вечера пермского землячества с футуристом-пермяком Василием Каменским — все привлекало внимание студента П. С. Богословского.

После окончания института с 1913 по 1919 г. П. С. Богословский работал в Пермской мужской прогимназии (2-ой Пермской гимназии). В 1916 г. произошло важное для Перми и для П. С. Богословского событие — в городе был открыт университет. С 1915 г. российское правительство решало вопрос о том, где разместить эвакуированный в условиях Первой мировой войны Юрьевский университет. В конце концов выбор выпал на Пермь. Предстоящее появление в городе высшего учебного заведения волновало пермяков. Газеты много и охотно писали об университете. Выступил по этому вопросу в «Пермских губернских ведомостях» и П. С. Богословский.⁷

Пермский университет начал свое существование как Пермское отделение Петроградского университета и создан был на базе Юрьевского университета. Новое учебное заведение требовало новых кадров. И, по-видимому, в связи с этим в 1917 г. состоялось решение Петроградского университета об определении П. С. Богословского профессорским стипендиатом по кафедре русского языка и словесности, при этом сразу же молодой стипендиат был прикомандирован к вновь созданному Пермскому университету, где его научным руководителем был назначен видный специалист по древнерусской литературе и народной словесности А. П. Кадлубовский (первый декан историко-филологического факультета). В 1919 г. П. С. Богословский успешно сдал испытания на магистерскую степень и в начале 1920 г. единогласно был избран приват-доцентом Пермского университета. С сентября 1922 г. он уже профессор по кафедре русской литературы, а позднее, — вплоть до 1932 г., года его вынужденного отъезда из Перми — заведующий кафедрой.

Пермский период был самым плодотворным в жизни П. С. Богословского. Именно к этому времени относится большинство его статей, сохранивших свое научное значение до наших дней. Как мы уже говорили, многогранная деятельность П. С. Богословского определялась прежде всего его краеведческими интересами. Реализовывались же эти интересы в рамках многочисленных научных обществ, существование которых характерно для России первых трех десятилетий XX века. При этом необходимо подчеркнуть, что как краевед П. С. Богословский оставил свой след не только в фольклорной и историко-литературной сфере, но и в области археологии и церковной старины. Знания, полученные им в Археологическом институте, помогли ученому выйти за рамки филологии. Особенно весомый вклад в изучение названных областей культуры ученый внес в 1910-е гг.

С 1914 г., сразу же после возвращения из Петербурга в Пермь, П. С. Богословский включается в работу Пермского епархиального церковно-археологического общества и вскоре становится товарищем его председателя. Журнал заседаний Общества свидетельствует, что молодой ученый был одним из самых деятельных его членов.⁸

По его инициативе обследовались ризницы церквей, приобретались предметы церковной старины для задуманного музея, совершались археологические раскопки.

В первом выпуске «Известий», периодическом органе Общества, П. С. Богословский опубликовал семь статей. Две из них представляют собой описание предметов церковной старины.⁹ Третья статья является научным отчетом о предпринятых им летом 1915 г. раскопках подземного хода на территории бывшего Пыскорского монастыря.¹⁰ Еще одна работа посвящена надписи, высеченной на каменной церкви села Верх-Боровского (надпись была расчищена от поздних побелок самим П. С. Богословским).¹¹ В «Известиях» же П. С. Богословский публикует рукопись середины XIX в. об убийстве в 1793 г. настоятеля Пыскорского монастыря (к тому времени уже переведенного в Соликамск) архимандрита Иакинфа.¹² Кстати, рукопись эта была списана с бумаг из архива Дедюхинского соляного правления канцелярским служителем Федором Яковлевичем Антипиным, то есть родным дедом П. С. Богословского по матери. Не случайна для П. С. Богословского и тема шестой его статьи — о материальном положении духовенства в XVIII веке.¹³ Седьмая, последняя статья, опубликованная в «Известиях», посвящена редкой берестяной рукописи из библиотеки Пермской духовной семинарии.¹⁴

Как видим, молодой ученый начал свою краеведческую работу в Пермском церковно-археологическом обществе весьма активно и плодотворно. Однако в 1917 г. Общество, в силу исторических обстоятельств, прекратило свое существование. И в дальнейшем, вследствие все тех же обстоятельств, П. С. Богословский ни в одном из документов не сообщал о своей работе в этом Обществе. Слово «церковное», звучавшее в названии этого научного учреждения, делало это Общество подозрительным в глазах новых властей.

Вторым учреждением культуры, сыгравшим заметную роль в становлении П. С. Богословского как ученого, был Пермский научно-промышленный музей. Еще будучи студентом, П. С. Богословский начал сотрудничать с этим крупным культурным центром Перми. В ноябре 1913 г. для «Материалов по изучению Пермского края», печатного органа музея, начинающий ученый приготовил статью о нагрудном кресте, который он обнаружил в церкви с. Троицкое на Сылве. В этой работе автор доказывает, что крест этот является «положением» Петра Семеновича Строганова, сделанным в ризнице церкви после 1610 года.¹⁵ Там же опубликована еще одна статья П. С. Богословского — о грамотах времен царя Михаила Федоровича, содержащих в себе распоряжения Верхотурскому воеводе Даниле Ивановичу Милославскому и подьячим Второму Шестакову и Ивану Селетцыну.¹⁶ Грамоты эти хранились в Пермском научно-промышленном музее.

Через десяток лет судьба еще раз тесно свяжет П. С. Богословского с Пермским научно-промышленным музеем. К 1923/24 гг., пережив все перипетии гражданской войны, музей находился в плачевном состоянии. Коллекции его были перевезены и свалены в непригодном здании духовной семинарии (в архиве сохранилась фотография музейных комнат этого времени — оп. 2, № 72). 14 июля

1924 г. П. С. Богословский был поставлен во главе Научного музея (при этом он оставался профессором Пермского университета). Ученый сразу же определил главное направление музея — строить его по краеведческому принципу и сделать это культурное учреждение центром краеведения в Перми.¹⁷ Благодаря энергии П. С. Богословского нормальное функционирование музея было восстановлено.

Гражданская война не способствовала развитию краеведения в России. Но в начале двадцатых годов краеведческое движение в стране неожиданно получает новый импульс. Центром пермского краеведения с 1923 г. становится Кружок по изучению Северного края при Пермском университете. Этот Кружок был создан еще в 1916 г., сразу же после основания самого университета, но едва развернув свою деятельность, он вскоре был вынужден ее прервать. В январе 1923 г. Кружок под председательством П. С. Богословского возобновляет свою работу. Основной формой его деятельности были доклады, лучшие из которых публиковались в собственном печатном органе Кружка — «Пермский краеведческий сборник» (Вып. 1. Пермь, 1924; Вып. 2. 1926; Вып. 3. 1927; Вып. 4. 1928), редактором которого был П. С. Богословский. Это периодическое издание стало заметным явлением в истории российского краеведения двадцатых годов, выдвинувшим Пермь на одно из первых мест в данной области гуманитарных знаний.¹⁸

Архивные материалы проливают некоторый дополнительный свет на деятельность Кружка по изучению Северного края (оп. 2, № 93—101). В декабре 1929 г. Кружок был преобразован в Этнографическое общество при Пермском университете, председателем которого был избран П. С. Богословский. При Обществе начали разворачивать свою работу пять комиссий: фольклорная, диалектологическая, музыкальной этнографии, угрофинская, театральная. Этнографическое Общество успело выпустить листовку-анкету для своих членов (оп. 2, № 100) и брошюру, в которой давались сведения о структуре Общества, его составе, плане работы и т. д. (оп. 2, № 99: Богословский П. С. Научное Этнографическое общество при Пермском государственном университете. Пермь, 1930. 32 с.). Однако тридцатые годы в истории отечественного краеведения принципиально отличались от двадцатых годов. Краткий расцвет советского краеведения в условиях крепнущего тоталитарного режима закономерно близился к концу, поэтому Этнографическое общество так и не сумело развернуть свою работу. Каких-либо значимых следов эта организация после себя не оставила.

Помимо Кружка по изучению Северного края (Этнографического общества), которому П. С. Богословский отдавал много сил и времени, в конце двадцатых годов ученый создал при Пермском университете еще один культурный центр — Историко-литературный и театральный музей. В архиве хранится комплекс документов, связанный с этой организацией (оп. 2, № 102—105). Из протокола заседания деканата педагогического факультета явствует, что решение о создании Музея было принято 11 декабря 1928 г. В черновом варианте «Положения» о музее сказано, что данное научно-культурное учреждение имеет «целью отражение литературной и театральной жизни СССР вообще и Пермского края (Урала и Прикамья) по пре-

имуществу» (оп. 2, № 102, л. 1). Как видим, музей создавался не только как краеведческая организация, но ставил перед собой более широкие задачи. Сохранилась печатная листовка за № 1, разъясняющая цели и задачи Историко-литературного и театрального музея (там же). К сожалению, если не считать газетных статей П. С. Богословского, посвященных деятельности музея, это, кажется, единственная печатная продукция этого учреждения.

Основой коллекции Музея стали материалы, собранные самим П. С. Богословским. В дальнейшем, благодаря его энергии, музей пополнился многими ценными документами. П. С. Богословский умел находить друзей Музея в самых разных слоях деятелей русской культуры. Так, одним из дарителей Музея стал А. Н. Толстой. В архиве ученого хранится следующий документ:

«В ПЕРМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ.
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ТЕАТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ.

12 апр. 1929 г.

П. С. Богословскому.

Уважаемый Павел Степанович,

посылаю Вам для Музея корректуру тома (Собр. соч. Леногиз) моих комедий.¹⁹ Я проделал над ними довольно серьезную работу. Может быть Вам пригодит<ся> эта корректура. Ее нужно сравнить со старыми изданиями моих пьес. Таковыми были: „Комедии о любви“ изд<ание> и<здательст>ва Писателей, Москва, кажется, 1917 г.²⁰ и „Горький цвет“ — Берлин, 1922 г.²¹

Буду рад быть Вам полезен всем, чем могу.

Ваш А. Толстой.

Детское Село. Московская 10» (оп. 2, № 105).

Коллекция Музея была поистине впечатляющей. Фонд его составлял примерно 20 000 документов: театрально-концертные афиши, программы, открытки с изображением артистов, их подлинные фотографии, книги и брошюры различного характера, газеты и газетные вырезки, письма разных лиц, связанных с культурой, рукописи воспоминаний, автографы писателей, поэтов, ученых и т. д. О значительности собранных в Музее материалов сегодня мы можем судить по сохранившемуся каталогу — толстой тетради большого формата, куда вносились сведения об экспонатах, поступавших в музей (оп. 6, № 71). Под № 2 здесь, например, указывается оригинал письма Л. Н. Толстого от 18 февраля 1897 г. к И. И. Бессонову, рабочему Очерского завода Пермской губернии (письмо пожертвовано в Музей студентом Филипповым). Содержание этого письма было известно науке еще с 1911 г. из сборника «Письма Л. Н. Толстого», подготовленного П. А. Сергиенко.²² Там письмо публиковалось по копии В. Г. Черткова. После разгрома Музея, о чем будет сказано ниже, письмо было, по-видимому, утрачено, и в полном собрании сочинений Л. Н. Толстого оно публикуется по той же копии.²³

Из автографов писателей в каталоге значатся рукописи рассказов В. Я. Шишкова «Цветы и ягоды», «Зверолов», «Властитель», «Лес-

ной мудрец» (№ 605, 609—611). Здесь же называются автографы А. С. Новикова-Прибоя (№ 707—709), стихи поэтов В. Луговского (№ 813, 814), Рюрика Ивнева (№ 1594, 1595), Анатолия Мариенгофа (№ 1596, 1597), письмо А. А. Блока (№ 13251) и др.

Каталог свидетельствует, что в музее хранился комплекс документов, связанный с именем актера П. Г. Абрамова (№ 99—154 — переданы в Музей его сестрой). Другой блок посвящен прим-балерине Екатеринбургской оперной труппы А. Г. Богдановой-Давыдовой (№ 681—702). От В. А. Падалки поступили материалы об оперном певце, любимце пермской публики, А. Н. Круглове ²⁴ (№ 1737—1794). Оперная певица Е. В. Девос-Соболева ²⁵ передала документы, отражающие ее творчество (№ 2629—2636). Самая большая коллекция, посвященная театру, принадлежала актеру-пермяку А. И. Чайкину (фотографии актеров, их письма к коллекционеру, сведения о составе пермских театров в разные периоды и т. д.) (№ 2941—4539, 4719—5319, 5428—7419, 7529—8033 и др.).

Музей просуществовал под руководством П. С. Богословского до 1932 г. — до года его вынужденного отъезда из Перми. В начале 1932 г. П. С. Богословскому было приказано передать музей преподавателю университета М. Н. Ожеговой. Как проходила передача свидетельствует «Записка» ученого, написанная 2 февраля и направленная им руководству университета: «Необходимо отметить не только небрежное отношение со стороны т. Ожеговой к Музею в целом, но и какое-то предубеждение, какую-то тенденцию. Мне неоднократно приходилось во время сдачи не только поднимать с полу вырезки, портреты и пр. и обращать внимание т. Ожеговой на ценность афиш в виду какого-то игнорирования ею последних <...> Во время передачи т. Ожегова нередко бросала товарищам студентам, принимавшим с ней Музей, иронические замечания о бесценности тех или иных материалов, о ненужности, о неуместности их и т. п. Между прочим, на запрос присутствующего при сдаче артиста, будет ли сохранен этот единственный в своем роде музей в СССР, т. Ожегова подчеркнуто ответила: „В музее будет сохранено только ценное“. От всего этого получилось впечатление, что т. Ожегова не выполняла спокойно порученное ей дирекцией дело, не интересуясь Музеем как таковым, а с каким-то предубеждением спешила с приемкой Музея, точно разыскивая в его материалах какие-то данные для дискредитации Музея и его организатора» (оп. 2, № 103, л. 1 об.—2).

П. С. Богословский предчувствовал, что дело, которому он отдал столько любви и сил, будет погублено. И он оказался прав. 27 апреля 1934 г. Андрей Иванович Чайкин писал П. С. Богословскому: «Пишу Вам из Перми, куда меня вызвали для отыскания материалов по истории театра. 21/IV я зашел к Л. А. Заозерской и от нее узнал, что шкафы из круглой комнаты с материалами, собранными для Музея, три-четыре раза перетаскивались из комнаты в комнату и последнее переселение совершено накануне и в день моего прибытия в пединститут и теперь шкафы стоят в верхнем этаже, в комнате Н. Е. Бочкарева, который назначен деканом. С его разрешения я начал поиски (А. И. Чайкин искал некоторые материалы своей собственной коллекции. — Т. И.) и у первого же шкафа убе-

дился, что судьба моих и других материалов была в руках крайне невежественных, некультурных людей, а у второго шкафа у меня невольно полились из глаз слезы. Все скомкано, смято, разъединено и более половины из моего добра я не нашел, осмотревши пять шкафов по сегодня включительно. Нет моих альбомов с фотографиями, рамки-витрины с моими программами и карточками, альбомов со стихотворениями и вырезками и т. п. Сегодня мне сказали, что в какой-то комнате есть еще 2 ящика с чем-то, может быть, там что-нибудь найду... Заозерская сказала, что кто-то приходил и забирал что-то и уносил. Исчез портрет Комиссаржевской, Чайковского <...> Все перепутано и являет такой вид, как будто был пожар и второпях все смешали <...> Что будет дальше, я право, не знаю как быть и как реагировать на это варварство и чью-то подлость...» (оп. 3, № 215, л. 9—9 об.).

Перед своим отъездом в 1932 г. из Перми в Москву П. С. Богословскому удалось забрать себе некоторые материалы из Музея. Сейчас эти документы, на которых стоит штамп Пермского литературно-театрального музея, находятся в архиве ученого и составляют раздел второй описи № 6 (№ 71—128). В основном это материалы, замыкающиеся на именах пермских деятелей культуры. Интерес представляют письма Василия Волегова, Павла Андреевича Муллова, Ивана Григорьевича Потапова, Дмитрия Дмитриевича Смышляева, Наркиса Константиновича Чупина 1858—1862 гг. к Николаю Алексеевичу Фирсову по поводу сотрудничества в «Пермском сборнике»²⁶ (первое краеведческое издание в Перми, ставшее образцом для создания «Пермского краеведческого сборника»; Н. А. Фирсов был редактором этого издания) (см. оп. 6, № 82, 96, 104, 108, 116). В письмах Александра Алексеевича Дмитриева к Ивану Григорьевичу Остроумову содержатся ценные сведения о ходе его работы над большим исследованием «Пермская старина»²⁷ (см. оп. 6, № 87). Письмо Павла Ивановича Мельникова-Печерского к Н. А. Фирсову проливает дополнительный свет на кратковременную историю существования в 1859 г. газеты Мельникова-Печерского «Русский дневник» (оп. 6, № 94). Тема писем 1901—1903 гг. А. Кузнецовой к неустановленному лицу Море — выступления оперного певца А. Н. Круглова, о котором говорилось выше (оп. 6, № 92).

Интересен и комплекс документов, относящихся к 1920-м гг. Так, в письме П. И. Панькова к П. И. Ильинскому содержатся малоизвестные сведения о художниках-пермяках братьях Павле и Александре Сведомских (оп. 6, № 100). Сохранил П. С. Богословский и автографы писем писателей В. В. Муйжеля и А. С. Неверова к В. Я. Шишкову (оп. 6, № 95 и 98).

Особую ценность представляет иконография пермских общественных деятелей, собранная музеем и частично сохраненная П. С. Богословским: фотопортреты П. А. Голубева, И. Ф. Грацынского, А. А. Дмитриева, П. В. Сюзева и др. (см. оп. 6, № 120—128 — раздел описи «Фотографии, открытки, факсимиле»).

Как уже говорилось, коллекция Литературно-театрального музея выросла на основе личного собрания П. С. Богословского. В фонде ученого сохранился ряд документов коллекционного характера, не

имеющих на себе штампа Литературно-театрального музея и в связи с этим отнесенных нами к личному собранию ученого. Эти документы составили раздел 1 описи № 7. Внимание исследователей здесь привлекут три тетради второй половины XIX в. с текстами пьес Ф. Ф. Корфа «Браслет и прочее», Гектора Деппери «Жермен», П. А. Соколова «Арап Петра Великого», Н. В. Беклемишева «Майко», Н. М. Львова «Чинovníк по особым поручениям» (оп. 6, № 4, 5, 8). Эти тетради, как свидетельствует помета П. С. Богословского, были куплены им на толкучке 13 апреля 1923 г. в Перми. На двух из этих тетрадей есть цензорские записи, разрешающие пьесы к постановке. Тетради, по-видимому, принадлежали какой-то драматической труппе.

Особую ценность представляет тетрадь со списком комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (оп. 6, № 1). Этому списку ученый посвятил содержательную статью, значение которой сохраняется до наших дней.²⁸ П. С. Богословский датировал список 1829 г. и происхождение его связывал с библиотекой графов Завадовских, осевшей в одной из дворянских усадеб Пермского края. Кстати, в фонде ученого находятся и другие документы В. П. Завадовского: его официальные записки и проекты (оп. 6, № 31—38).

Выделяется в личной коллекции историко-литературных материалов П. С. Богословского и комплекс документов, имеющих мемуарно-биографический характер. Здесь находится большая рукопись 1900-х гг. некоего Льва Евдокимовича Демина, озаглавленная «Воспоминания Левы Демина. Истинная повесть о том, как живут бедные, маленькие люди» (оп. 6, № 10, 11); биографические сведения о родителях видного пермского краеведа А. А. Дмитриева, написанные им самим (оп. 6, № 12); воспоминания Е. Д. Золотова и А. Т. Михайлова о Д. Н. Мамине-Сибиряке (оп. 6, № 14, 19); воспоминания и автобиография писательницы А. А. Кирпищиковой (оп. 6, № 15, 16); автобиография И. С. Тезавровского, члена Музыкально-этнографической комиссии, существовавшей в Москве в начале XX в. (оп. 6, № 20). Биографическая тема продолжала интересовать П. С. Богословского до конца его дней. Уже в 1950-е—начале 1960-х гг. коллекция ученого пополнилась рукописью пермского композитора Г. И. Маркова (Всеволода Светланова) «Мои воспоминания о Московской музыкально-этнографической комиссии Московского университета (Румянцевский музей) ГИМН» (оп. 6, № 18) и автобиографией Е. В. Арефьева (оп. 6, № 9).

Таким образом, пермский период жизни П. С. Богословского, действительно, является очень плодотворным в научном плане. Документы же, вошедшие в опись 6 («Коллекции») и собранные в основном в двадцатые годы, представляют большой интерес для специалистов самых разных областей гуманитарных знаний.

3

Литературно-театральный музей Пермского университета был последним из крупных замыслов П. С. Богословского, реализованных им свободно, без идеологического диктата. В дальнейшем жизнь

ученого складывалась так, что он был вынужден подчиняться прессингу тоталитарного режима.

Выше уже указывалось, что конец 1931—начало 1932 гг. ознаменовались для П. С. Богословского его первым личным знакомством со сталинским режимом. Суть ситуации, в которую попал ученый, проясняется из копии письма П. С. Богословского, направленного им народному комиссару просвещения А. С. Бубнову.

В 1931 г. Уральский обком ВКП(б) проверял работу Пермского пединститута, выделившегося к этому времени из Пермского университета. Одним из результатов этой проверки стало увольнение с 1 января 1932 г. П. С. Богословского «вследствие недостаточной квалификации для работы в Педвузе в современных условиях» (оп. 2, № 13, л. 1). За снятием с работы последовало исключение из секции научных работников и из членов профсоюза. В заявлении в Наркомпрос П. С. Богословский писал: «...некоторые из выступавших ораторов <...> ставили мне в вину находящиеся в изданных мною „Пермских краеведческих сборниках“ отдельные выражения и работы, истолкованные, как неактуальные и контрреволюционные» (там же). Поглумились гонители П. С. Богословского и над научными статьями ученого, например, над исследованием по номенклатуре свадебных чинов, — работа, которая в наше время считается классикой отечественной фольклористики. Нашли за П. С. Богословским и грехи более весомые — его сотрудничество в газетах Белой армии Колчака в 1919 г. Далее события развивались по отработанному сценарию: лишение продовольственных карточек, попытка отнять у многосемейного ученого (у него была жена и пятеро сыновей) квартиру и пресловутое «уплотнение»; проработка одного из сыновей на собрании учащихся фабрично-заводского училища и требование, чтобы он отрекся от отца-контрреволюционера, а после отказа юноши от этого бесчестного шага, исключение его из училища и т. д.

Реакция П. С. Богословского на несчастья, свалившиеся на него, была также типичной для того времени: покаянные письма в городской и областной комитеты партии по поводу своего сотрудничества в колчаковских газетах; обращения к иногородним авторитетным коллегам за помощью. В 1932 г. ученому удалось избежать молоха беспощадной сталинской репрессивной машины. П. С. Богословскому помогают переехать в Москву. С середины 1932 до апреля 1935 г. он является ученым секретарем, а затем заведующим сектором фольклора Центрального научно-исследовательского института методов краеведной работы (существовавшего в системе Центрального бюро краеведения) (см. документы — оп. 2, № 107). Одновременно он был заведующим библиотекой в Государственном историческом музее (1933—1935) (оп. 2, № 106) и профессором Орехово-Зуевского педагогического института (1933—1935), куда периодически выезжал для чтения лекций (оп. 2, № 109).

В московский период жизни П. С. Богословский работал столь же напряженно и энергично, как и в Перми. В это время он публикует несколько статей и заметок информационного и методического характера, направленных на освещение в печати событий, связанных с фольклористикой и с организацией фольклорного дела в стране.²⁹ Однако надо отметить, что работы эти не носят исследовательского

характера и в настоящее время сохраняют свое значение лишь как источники по истории фольклористики.

Время накладывало свой отпечаток на научное творчество П. С. Богословского. Как и многие другие, кто уже успел испытать на себе прессинг сталинского режима, ученый подневольно подчинил свою мысль официальной идеологии. Главным его трудом в начале тридцатых годов стала монография «Ленинская национальная политика и фольклор» (1934 г.), оставшаяся ненапечатанной. В фонде ученого сохранилась правленная им машинопись этого труда (оп. 1, № 5). Пафос работы составляет политизированный по своей сути тезис о расцвете фольклора в условиях реализации И. В. Сталиным ленинской национальной политики. Тем не менее и в наше время это исследование может представлять определенный интерес как библиографический источник по теме — работы по фольклору народов СССР в науке 1920-х—начала 1930-х гг.

В июле 1934 г. тучи опять сгустились над головой П. С. Богословского: ему грозило увольнение из Центрального научно-исследовательского института методов краеведной работы. Положение спас известный фольклорист, имевший большой авторитет у властей, Ю. М. Соколов. В фонде П. С. Богословского сохранилась копия его письма на имя директора ЦНИИМКРа А. А. Канчеева: «Сейчас я узнал о том, что будто бы Вами подписан приказ об увольнении из состава научных работников ЦБК проф. П. С. Богословского и будто бы по мотивам недостаточной эффективности его научной работы в ЦБК и ЦНИИМКР. И то и другое (и факт увольнения, и мотивировка) мне, соприкасавшемуся с П. С. Богословским в процессе его деятельности в системе обоих учреждений, представляется совершенно невероятным, и я, полагая, что здесь кроется какое-нибудь недоразумение, может быть, недостаточно четкая информация, считаю своим долгом ученого специалиста засвидетельствовать перед Вами, что данное решение, если оно действительно имело место, несправедливо по отношению к такому высококвалифицированному и много работавшему научному сотруднику, как П. С. Богословский» (оп. 2, № 112, л. 1).

Однако через год уже ничто не могло спасти П. С. Богословского. 20 апреля 1935 г. он был арестован, осужден по печально известной ст. 58 (за контрреволюционную агитацию) и уже 7 июля отправлен в исправительно-трудовую колонию КАРЛАГа в Казахстане. Поводом для ареста стало все то же участие П. С. Богословского в колчаковской газете «Сибирские огни» (см. ходатайство семьи о помиловании — оп. 2, № 14). Воспоминания ученого, озаглавленные «Казахстанские фрагменты» (оп. 2, № 26) и «Жизнь в могиле» (оп. 2, № 28, 29), рисуют страшные картины заключения и повествуют о трагических судьбах невинно загубленных людей. Этот материал является еще одним, в ряду многих других, свидетельством преступлений сталинского режима.

В место назначения, село Долинское (Долинка), П. С. Богословский вместе с другими осужденными прибыл в «столыпинском» вагоне, где в купе находилось по двенадцать-тринадцать человек, вынужденных спать по очереди и задыхавшихся в духоте. В лагере П. С. Богословский поначалу находился на общих работах, но вско-

ре ему, как бывшему музейному работнику, было поручено организовать музей. Дело в том, что в 1935 г. отмечалось пятидесятилетие Казахской республики. В рамках празднования юбилея было решено создать Музей полупустынно-степной части Центрального Казахстана, в котором были бы отражены природные условия, флора и фауна района, а также хозяйственные достижения его тружеников. Идеологическая заданность Музея была заранее определена: показать достижения Казахстана во времена советской власти. Музей был создан, начальству понравился, и П. С. Богословский являлся его заведующим до лета 1937 г., пока не пришел указ тогдашнего главы НКВД Н. Е. Ежова об ужесточении мер, направленных против осужденных по ст. 58. Документ, свидетельствующий об этом факте жизни П. С. Богословского, звучит следующим образом:

«ПРИКАЗАНИЕ
ПО IV ОТДЕЛУ УПРАВЛЕНИЯ КАРЛАГа НКВД
27 июля 1937 г.

Зав. музеем з/к Богословскому П. С. предлагаю сдать дела и имущество музея вновь назначенному на эту должность з/к Шенько Н. К.

Акт приема-сдачи предоставить мне к 29 с/г.

Вр. н-ка IV отд.
[Подпись неразборчива]»
(оп. 2, № 113).

П. С. Богословский был отправлен в один из штрафных лагерей КАРЛАГа, где работал метеорологом. Невыносимые обстоятельства пребывания в одиночной «могиле» (землянке, находившейся близ метеорологической станции), реальная угроза гибели от уголовников, позарившихся на содержимое чемодана П. С. Богословского, — все это подробно описано в воспоминаниях ученого.

В лагере судьба столкнула П. С. Богословского со многими замечательными представителями российской интеллигенции. Вместе с П. С. Богословским в Долинке сидел выдающийся филолог-славист Афанасий Матвеевич Селищев. «В лагере он сначала был учетчиком овец, жил один в саманной мазанке, ежедневно пересчитывал сотни овец, среди которых были больные бруцеллезом. Это для ученого был большой труд, очень его изнурявший и опасный для его здоровья», — вспоминал П. С. Богословский (оп. 2, № 28, л. 13 об.). Здесь же П. С. Богословский познакомился с профессором Тимирязевской сельско-хозяйственной академии А. М. Диомидовым, со специалистом по овцеводству профессором И. Г. Платоном, с режиссером Большого театра Е. Н. Соковниным, с художником того же театра П. И. Соколовым, с ленинградским художником В. В. Стерлиговым и др.

Довелось П. С. Богословскому встретиться в лагере и со своими знакомыми. Вместе с ним сидел бывший сотрудник Центрального бюро краеведения, видный археолог и специалист по древней истории, будущий профессор Константин Эдуардович Гриневич (с ним

П. С. Богословский после освобождения из лагеря будет поддерживать переписку — см. оп. 3, № 71). Столкнулся П. С. Богословский в заключении и с Климентом Васильевичем Квиткой, выдающимся музыковедом-фольклористом. С последним ученый познакомился еще в 1924 г. в Москве на всесоюзной краеведческой конференции. Затем в начале тридцатых годов им вместе довелось работать в Центральном бюро краеведения. О своей встрече с К. В. Квиткой в Долинке П. С. Богословский вспоминал следующее: «Через несколько дней после назначения моего в музей ко мне пришел <...> Климент Васильевич Квитка, муж украинской писательницы Леси Украинки. Квитка пришел ко мне с „подарками“: „По установившейся здесь доброй традиции разрешите на первое время взять над Вами шефство. Я недавно получил хорошую посылку из Москвы. Позвольте поделиться с Вами пачкой чая с сахаром“» (оп. 2, № 26, л. 7 об.). Даже в нечеловеческих условиях сталинских лагерей российская интеллигенция сохраняла чувство собственного достоинства, порядочность, доброту и благородство.

20 апреля 1940 г., через пять лет после своего ареста, П. С. Богословский был освобожден. Будучи лишенным права проживания в Москве и других крупных городах, он обосновался в Караганде. С 1940 по октябрь 1946 г. П. С. Богословский являлся профессором Карагандинского учительского института (см. комплекс документов — оп. 2, № 114—134). Изголодавшийся по любимой работе, ученый приступил к ней с обычной для него энергией и добросовестностью. Прежде всего он сумел заинтересовать студентов фольклором. В фонде исследователя сохранились записи произведений русской устной словесности, сделанные студентами от беженцев военного времени (см. оп. 5, № 121—123). В тяжелом 1943 г. П. С. Богословский даже пытался организовать экспедицию в Улутауский район области для собирания произведений, рожденных войной (см. его письмо к секретарю Карагандинского обкома партии Мельникову — оп. 2, № 129).

Собственно научная деятельность П. С. Богословского в этот период с чисто внешней стороны выглядит очень невыразительной. Публикации первой половины сороковых годов — это исключительно газетные статьи двух типов: связанные с педагогическими задачами Карагандинского учительского института и юбилейные заметки, касающиеся того или иного деятеля русской и мировой культуры. Черновые рукописи опубликованных и неопубликованных статей этого характера хранятся в архиве ученого (оп. 1, № 43—70). Данные заметки были, по-видимому, одним из способов ученого пополнить мизерными гонорами свой скудный семейный бюджет.³⁰

Однако вряд ли карагандинский период жизни П. С. Богословского можно назвать временем истощения его творческих сил. Вся энергия ученого в сороковые годы была направлена на написание докторской диссертации. Как следует из докладной записки П. С. Богословского в Народный комиссариат просвещения Казахской ССР от 23 сентября 1940 г., первоначально он наметил для себя следующие возможные темы для исследования: «Фольклор и древнерусская письменность (проблема взаимодействия)»; «Творческая

культура мастеров русского фольклора (с приложением словарных био-библиографических материалов)»; «Фольклорная традиция в художественной культуре» (оп. 2, № 124). В дальнейшем же реализована была совсем другая тема — «Сборник Кирши Данилова в связи с проблемой эпической традиции», работа над которой в основном была закончена весной 1944 г. (там же, л. 3). Материалы этого исследования сохранились в фонде П. С. Богословского: машинописный (неполный) экземпляр рукописи (оп. 1, № 7, 8); аннотация (оп. 1, № 10); рукописные фрагменты и подготовительные выписки, библиографические карточки и т. д. (оп. 1, № 11—17).

Тема по Сборнику Кирши Данилова не была случайной для П. С. Богословского. Впервые он обратился к этому памятнику фольклора еще во второй половине двадцатых годов. В 1928 г. фольклорист опубликовал статью, посвященную песне об Усах из этого сборника.³¹ Работа привлекла внимание ученого мира. Так, один из рецензентов в четвертом выпуске «Пермского краеведческого сборника» выделяет именно эту статью.³² Один из тезисов статьи об Усах заключался в утверждении не сибирского, а уральского происхождения рукописи Кирши Данилова. Этот же тезис стал основным в диссертационном исследовании П. С. Богословского. Аргументы в пользу данной точки зрения ученый ищет в сфере диалектологии, фольклора и истории. До сих пор сохраняет свое научное значение глава «Локальная лексика Сборника Кирши Данилова в уральском фольклорном окружении», где собран огромный материал, свидетельствующий о схождениях языка Кирши Данилова и уральских произведений фольклора. Тщательно проанализированы антропонимы и топонимы в текстах Кирши Данилова, что дало ученому дополнительные доказательства в пользу уральского происхождения Сборника. Исследователь приводит многочисленные факты перекличек между Сборником и уральской фольклорной традицией. Центром его внимания становится и фигура П. А. Демидова, владельца рукописи, известного уральского заводчика.

Современные исследования подтверждают правильность поисков П. С. Богословского. После документальных находок о личности Кирши Данилова уральское происхождение рукописи, кажется, уже никем не оспаривается.³³

В военные годы П. С. Богословский предпринимает несколько попыток защитить свою работу по Сборнику Кирши Данилова как докторскую диссертацию. По этому вопросу он обращается, как можно судить по письмам его корреспондентов, к целому ряду ученых. Тема защиты звучит в ответных письмах Л. А. Булаховского (оп. 3, № 49), В. А. Келтуялы (оп. 3, № 103), А. В. Миртова (оп. 3, № 145), С. П. Обнорского (оп. 3, № 158), В. И. Чернышева (оп. 3, № 220) и др. Н. К. Гудзий писал П. С. Богословскому 3 января 1944 г.: «Охотно примем Вашу диссертацию для защиты ее на филологическом ф<акультете>те МГУ. С. П. Обнорский живет в Москве. Из фольклористов здесь — П. Г. Богатырев. Можно привлечь еще Шамбинаго или Ржигу в качестве оппонентов» (оп. 3, № 73, л. 1). Однако по непонятным причинам защита докторской диссертации так и не состоялась.

Тогда же П. С. Богословский хлопочет и о публикации своего труда. С этой проблемой он обращается к В. П. Адриановой-Перетц (см. ее ответное письмо от 18 мая 1944 г. — оп. 3, № 27); П. П. Бажову (см. его ответное письмо от 15 ноября 1943 г. — оп. 3, № 33). Документы свидетельствуют, что Свердловское издательство заинтересовалось темой его диссертации; в 1944 г., когда в стране не хватало элементарных вещей для нормального существования науки, оно выслало П. С. Богословскому бумагу для перепечатки его работы, но и в 1946 г. фольклорист по каким-то причинам не выполнил взятых на себя обязательств и не представил рукопись в издательство (оп. 1, № 7, л. 235—236).

Работа П. С. Богословского по Сборнику Кириши Данилова, будь она вовремя издана, без сомнения, могла бы стать заметным явлением в фольклористике. Приходится только пожалеть, что исследование это навсегда осталось вне рамок фольклористики.

4

Несмотря на то, что именно в Караганде после пяти лет лагерей П. С. Богословский получил возможность вернуться к научной и преподавательской деятельности, город этот оставался для ученого чужим. В 1945 г. П. С. Богословский начинает вести переговоры с родным Пермским университетом и получает оттуда приглашение занять кафедру по истории русской литературы (оп. 2, № 135, л. 4). Однако Карагандинский учительский институт его не отпускает, и только осенью 1946 г. ученому удалось перебраться в Молотов (тогдашнее наименование Перми). Здесь он проработал до ноября 1948 г. (там же, л. 10). Отношения с Молотовским университетом у П. С. Богословского, кажется, не сложились. К тому же он тяжело заболевает, получает инвалидность (см. справки об инвалидности — оп. 2, № 7) и в 1948 г. уезжает в Москву к одному из своих сыновей.

В краткосрочный второй пермский период своей жизни П. С. Богословский пытался осуществить несколько планов, направленных на активизацию научно-культурной жизни университета. Однако все его проекты в конечном счете не были реализованы. Мечтал ученый восстановить деятельность Этнографического общества в форме фольклорного Кружка. Студенты с охотой откликнулись на инициативу своего профессора. Наметилось общее дело — создание Словаря сказителей (проект, который привлекал П. С. Богословского еще 1940 г., когда он обдумывал эту тему в качестве возможного диссертационного исследования). Следы реализации этой темы сохранились в архиве ученого (оп. 2, № 141). Даже после отъезда П. С. Богословского из Молотова студенты пытались самостоятельно продолжать начатую работу, надеясь на выздоровление своего учителя и на его возвращение в Пермь. Так, Галим Сулейманов писал ему 11 ноября 1948 г.: «Во первых строках моего письма спешу передать Вам низкий поклон от всего кружка нашего и особенно от братьев Шиши.³⁴ Все мы находимся в добром здравии и благополучии благодаря дневному и ночному печению о нас Ректората, Деканата и проч., а больше потому, что любовь наша к фольклору и к Вам поддерживает нас. Дай бог Вам здоровья, — и мы не пропадем.

В Ваше отсутствие провели два занятия кружка. На первом (24/IX — 48 г.) — долгом почли пропеть за упокой души летней экспедиции и порешили дружно взяться за нашего полновесного младенца — Словарь сказителей, чтобы рос он не по дням, а по часам. Скажу, не хвастаясь, что в этом премного преуспели. На втором занятии (27/X — 48 г.) дружно надели на Словарь. Спешу обрадовать Вас тем, что фольклористы наши возгорелись яко огонь в нощи. Просидели 4 часа. Преданный фольклору ученый муж И. С. Сковрцов, за сим Н. Бондаренко и М. Лаптева поелику возможно достали книг в Пединституте. Было нас 12 человек. Работали все с вдохновением и превеликою усидчивостью (М. Лаптева изволили опоздать, да бог простит по молодости их). Переписали 67 биографий (около 80 листов). Выдали книги на дом для переписывания из оных. М. Ладынина уже принесла 20 биографий, переписанных из былин Астаховой» (оп. 3, № 198, л. 1). Но без опытного руководителя Кружок, конечно, был обречен. Тот же Г. Сулейманов 27 декабря 1950 г. сообщал любимому профессору: «Фольклорный кружок формально перестал существовать. Но мы, Ваши ученики, часто собираемся и вспоминаем Вас, горячие дни работы, споров и научных конференций» (там же, л. 10). Словарь сказителей так и не был реализован, и создание его до сих пор остается одной из насущных задач современной фольклористики. Не осуществились и планы П. С. Богословского по воссозданию Литературно-театрального музея.³⁵

На закате жизни, в московский период, главными занятиями П. С. Богословского стали его мемуары, которые он писал в 1959—1961 гг., и обширная переписка с разными лицами, направленная на соби́рание сведений по истории и культуре Пермского края. Как видим, Пермь оставалась главной точкой притяжения внимания ученого и в последние годы жизни. К сожалению, разыскания этого времени, в отличие от начала научной карьеры ученого, не нашли своего воплощения в статьях. Все его поиски остались в эпистолярии, причем в фонде П. С. Богословского они нашли свое отражение в письмах его корреспондентов.

Переписка ученого, на которую нам уже приходилось неоднократно ссылаться, составляет опись 3 его личного фонда. Помимо его собственных писем к родственникам и другим лицам (оп. 3, № 1—24, 243—249) и писем родственников к нему (оп. 3, № 250—296), здесь находятся письма его многочисленных корреспондентов (оп. 3, № 25—242), начиная с двадцатых годов и вплоть до смерти адресата. Среди корреспондентов П. С. Богословского мы найдем имена многих видных деятелей российской гуманитарной науки и культуры: М. К. Азадовского (9 писем), М. П. Алексеева (1), П. П. Бажова (1), В. П. Бирюкова (2), П. Г. Богатырева (1), В. Д. Бонч-Бруевича (1), П. П. Гнедича (1), Н. П. Гринковой (1), Н. К. Гудзия (5), А. П. Евгеньевой (1), Е. Г. Кагарова (2), Е. Ф. Карского (1), В. А. Келтуялы (1), М. Г. Китайника (2), А. Ф. Кони (1), Е. Н. Косвинцева (9), А. Н. Нечаева (1), А. И. Никифорова (1), Н. П. Обнорского (2), С. П. Обнорского (18), Н. Е. Ончукова (1), Н. К. Пиканова (2), П. Н. Сакулина (1), В. И. Чернышева (2), С. К. Шамбинаго (1) и др. Однако, на наш взгляд, самый большой интерес в переписке П. С. Богословского представляют письма более скромных лиц —

его пермских корреспондентов. Часть этих писем является ответами на запросы ученого по поводу истории Пермского края. Данные материалы, как нам думается, представляют огромный интерес для пермских краеведов.

В центре интересов П. С. Богословского в конце 1950-х—начале 1960-х гг. находятся несколько тем. Первая — это духовные учебные заведения Пермского края и их выпускники. Как уже говорилось выше, в 1961 г. ученый написал воспоминания, озаглавленные им «Соликамские фрагменты» (оп. 2, № 24), — мемуары, посвященные своему пребыванию в Соликамском духовном училище. Ученый очень высоко оценивал систему обучения в духовных училищах и семинариях и, по-видимому, не без основания считал, что выпускники духовных семинарий оставили заметный след в русской науке и культуре. В связи с данной темой П. С. Богословский обращается к бывшим семинаристам-пермякам с просьбой прислать свои автобиографии и воспоминания. На призыв П. С. Богословского откликались. Так, В. А. Игнатьев в ряде писем к П. С. Богословскому сообщает ему сведения по истории Пермской духовной семинарии и Камышловского духовного училища, дает списки бывших семинаристов с краткими биографическими данными о них. Кстати, он указывает ученому на факт, почерпнутый им из справочной книги в память столетия Пермской духовной семинарии: «В 1882 г. (выпуск 38) в первом разряде значится Стефан Богословский, священник Веретийского села, Соликамского у.» (оп. 3, № 94, л. 12). Николай Иванович Хмельнов присылает П. С. Богословскому список выпускников Пермской духовной семинарии 1909 г. (оп. 3, № 210). Тема пермяков-семинаристов звучит и в письмах Михаила Михайловича Щеглова (оп. 3, № 237).

Наряду с семинаристами собирал П. С. Богословский и материалы о выпускниках пермских гимназий. Этой теме посвящены, например, письма Александра Николаевича Оглоблина, окончившего первую пермскую гимназию в 1912 г. (оп. 3, № 159); Григория Семеновича Петрова, ученика П. С. Богословского по второй пермской гимназии (оп. 3, № 167); другого его ученика — А. А. Салмина (оп. 3, № 180) и др.

Естественен для П. С. Богословского и интерес к истории Пермского университета: ведь П. С. Богословский по сути дела стоял у истоков его создания и наиболее плодотворный период его деятельности связан именно с этим учебным заведением. Поэтому ученый среди своих корреспондентов имеет немало лиц, связанных с Пермским университетом.

Академик Юрий Александрович Орлов, выдающийся палеонтолог, работавший в Пермском университете в начале его существования, прислал П. С. Богословскому копию своего письма к видному деятелю большевистского движения Л. А. Фотиевой. Письмо это было написано им в связи с желанием напомнить государству о заслугах перед народом Николая Васильевича Мешкова, пермского промышленника, миллионера. Данный документ содержит любопытные сведения об основании Пермского университета: «Об открытии университета в Перми очень настойчиво и активно хлопотал, и не один год, Н. В. Мешков совместно с местными общественными

организациями — земством и др. Были обращения со стороны рабочих, интеллигенции в Перми — деталей не помню.

Н. В. Мешковым был построен огромный, четырехэтажный с мансардным этажом «Ночлежный дом имени Елены Ивановны Мешковой» на заимке, недалеко от станции Пермь II-я. Елена Ивановна была мать Н. В. Мешкова, начавшего свою трудовую жизнь, кажется, лотошником, продавцом ваксы и гуталина. Впоследствии крупный промышленник, владелец практически всех пароходов фирмы «Братья Каменские и Н. В. Мешков» (помнится, такое название) — Николай Васильевич планировал создание высшей школы на перекрестке железнодорожного пути и большого водного, Кама — Волга. В планах Мешкова была организация высшей школы со всем тем, что надо было бы иметь для студентов — библиотеки, общежития, лыжный и другой спорт и т. д. <...> Упомянутый выше „Мешковский дом“ на заимке к моменту открытия университета был занят под постой солдат и фактически был занят университетскими кафедрами лишь в 1917/18 учебном году. Стоящий рядом корпус Кожевенного завода Алфузовых (Алфузовский корпус), к которому была начата пристройка под анатомический институт, должен был быть передан также для университета <...> Не могу припомнить всевозможных случаев помощи университету со стороны Мешкова, да многого и не знал по своему тогда малому чину младшего ассистента <...> Помню лишь неоднократно слышанные мною слова от некоторых профессоров о том, что Н. В. Мешков поразительно хорошо разбирается в людях и отличает патриотов Пермского университета среди профессуры, самоотверженно взявшихся за дело создания университета, от гастрологов или апатичных в этом ответственном деле» (оп. 3, № 161, л. 7—8).

Татьяна Петровна Кольфгауз, бывшая студентка университета (первый выпуск), писала П. С. Богословскому, вспоминая Пермский университет: «Нас в 1916 году поступило на историко-филологический факультет 60 человек (такова была посещаемость в первые месяцы его существования, а принято, вероятно, было больше). Гражданская война разбросала нас, и окончил факультет в 1922 году только 12 человек» (оп. 3, № 112, л. 1). В другом своем письме она продолжала: «В недавней беседе с В. В. Молодцовым (выпускник Пермского университета, с которым П. С. Богословский тоже находился в переписке — см. оп. 3, № 151. — Т. И.) мы еще раз подчеркнули ту теплоту, которая отличала отношения между профессурой и студентами в первые годы существования нашего университета. Может быть, тут имели значение трудности, которые нам приходилось вместе переживать: недостаток пособий, литературы <...>, даже недостаток аудиторий, что приводило к необходимости проведения практических занятий на квартирах; немногочисленность слушателей в первые годы гражданской войны также способствовала близости: профессора, преподаватели звали нас по имени и отчеству, нам это было удивительно и приятно: „Как они знают нас?“» (л. 3).

Вторит Т. П. Кольфгауз и академик С. П. Обнорский, бывший в начале 1920-х гг. заведующим кафедрой русской словесности на историко-филологическом факультете Пермского университета.

11 января 1958 г. он писал П. С. Богословскому: «Вообще от работы в Пермском университете у меня самое хорошее воспоминание. Пожалуй, это лучшее, что мы оставили в своей деятельности. Чем мне нравился Пермский университет? Тем, что там была всегда морально — тишь и благодать. Позднее там что-то было в ректорате. Но до нас, гуманитаристов, как-то это не доходило. Научная сила университета была большая» (оп. 3, № 158, л. 29 об.).

Биографическими сведениями о себе и воспоминаниями о Пермском университете с П. С. Богословским поделились и другие лица: его выпускница — вузовский преподаватель французского языка Елена Александровна Кузнецова (оп. 3, № 119); М. Н. Павлова, служившая в канцелярии университета в 1919—1920 гг. (оп. 3, № 164) и др.

Интересует ученого и история театральной жизни Перми. Известный в начале XX века режиссер Павел Павлович Гайдебуров в ответ на запрос П. С. Богословского пишет ему о гастролях в Перми передвижного театра Гайдебурова и Скарской (оп. 3, № 64). Своими театральными впечатлениями делится с ним профессор медицины Петр Ионович Ильинский (оп. 3, № 95). А. Шлыкова пишет П. С. Богословскому подробное письмо об оперном певце А. Н. Круглове (оп. 3, № 235). Федор Николаевич Кулаков присылает П. С. Богословскому машинопись своей заметки «Березниковский кружок любителей драматического искусства» с воспоминаниями о любительских спектаклях, ставившихся в конце XIX в. в Березниковском заводе, родных местах ученого (оп. 3, № 120).

Таким образом, эпистолярия П. С. Богословского свидетельствует, что краеведческие интересы продолжали волновать ученого на протяжении всей его жизни.

5

В предыдущих разделах нашей статьи мы попытались дать научную биографию П. С. Богословского и охарактеризовать его, в первую очередь, как уральского краеведа. Неизбежно при этом приходилось говорить о П. С. Богословском и как о фольклористе, и как о литературоведе. Однако эти стороны деятельности ученого требуют более подробного освещения.

Фольклористические интересы П. С. Богословского естественным образом вытекали из его любви к родному краю. Формированию их способствовали прежде всего детские впечатления будущего ученого. Песни, сказки, предания о вольных людях составляли неотъемлемую часть быта Березниковского завода. В семейном окружении Богословских было немало знатоков родникового народного слова. В своих воспоминаниях ученый называет няню Максимовну, соседку Анну Дементьевну Соловарову. В 1896 г., в возрасте шести лет, П. С. Богословский побывал с семьей на Нижегородской всероссийской выставке, где мальчику посчастливилось слушать выступления знаменитой олонецкой воппленницы Ирины Федосовой. «Говорили, что я слушал и смотрел на Федосову широко раскрытыми глазами и ртом, выдавшись вперед», — вспоминал ученый позднее (оп. 2, № 21, л. 4). В Нижнем Новгороде впервые услышал

П. С. Богословский и волжские народные песни в исполнении Ф. И. Шаляпина.

К изучению фольклора подталкивали и родственные связи юного П. С. Богословского. Муж одной из его родственниц, Василий Ефимович Попов, еще 1880 г. издал сборник «Народные песни, собранные в Чердынском уезде Пермской губернии», основанный на записях, сделанных им от своей жены — Александры Петровны.

Уже двенадцатилетним мальчиком П. С. Богословский приобщился к собирательской работе: «... в 1902 г. завел специальную тетрадь, куда записывал пословицы, поговорки, услышанные мною в живой речи. Это был мой первый опыт собирательской работы. Больше всего я записал пословиц, поговорок от А. Д. Соловаровой, большинство относилось к Каме и сольнопромышленности» (оп. 2, № 21, л. 3). К сожалению, большинство дореволюционных записей П. С. Богословского погибли еще в 1919 г., о чем он сообщал в одной из своих статей,³⁶ где опубликовал случайно уцелевшие несколько текстов, записанных в 1912 г. от Павлы Андреевны Горлаевой.

Из фольклористических публикаций П. С. Богословского наибольшую ценность представляют его статьи двадцатых годов. Уже давно стала классической его работа о номенклатуре свадебных чинов.³⁷ Этот труд сразу же высоко был оценен специалистами. А. И. Никифоров, один из самых талантливых представителей фольклористики, вошедших в науку в первые послеоктябрьские годы, писал ученому 23 ноября 1927 г.: «Вашу книжку „К номенклатуре, топографии и хронологии свадебных чинов“ я получил. Благодарность моя Вам особенно велика потому, что книгу эту я считаю очень ценным вкладом в этнографическую и фольклорную литературу. Вам пришла действительно счастливая мысль дать такой справочник, который насущно необходим, и выполнен этот справочник исключительно хорошо. Особенно хороша точная библиографическая документальность» (оп. 3, № 154, л. 1).

Продолжает сохранять научный интерес серия статей ученого по проблемам взаимосвязи устной народной традиции и древнерусской литературы. Для П. С. Богословского было характерно вынесенное им с дореволюционных студенческих времен понимание того, что «письменность и народное творчество — две разновидности одного культурного и творческого организма — русской литературы».³⁸ Исследователь утверждает тезис о влиянии древнерусской письменности, особенно апокрифической литературы, на устную традицию и на ряде примеров показывает схождения сюжетов средневековой литературы и фольклорных повествований: мотив о неосторожном упоминании черта и появлении его перед человеком;³⁹ мотив о закреплении нечистой силы в сосуде;⁴⁰ загадка «брат же мой иде чрез ноги в нави зрети» (с отгадкой: бортник вешает ульи высоко на дереве, вследствие чего подвергается опасности упасть и разбиться), нашедшая себе место в «Повести о муромском князе Петре и супруге его Февронии» и зафиксированная в искаженном виде «Пошел мужик в лес сучья рубить и на смерть глядеть» в Оханском уезде.⁴¹

В фонде П. С. Богословского сохранилась разрозненная тетрадь 1920-х гг., озаглавленная «Из области взаимодействия устного народного творчества и древнерусской письменности» (оп. 1, № 22).

Здесь находится несколько статей по указанной теме. Кроме названных выше опубликованных работ, тетрадь содержит этюды «„Евангельская песнь“ в записи этнографа В. Серебренникова» (о виршах духовного содержания, входивших в репертуар зырянских нищих), «К литературной истории Жития Мины цареградского» (о сходениях между Житием и духовным стихом о жене милосердой), «Стих об Адаме („Плач“) из старообрядческой рукописи», «Апокрифический „Сон Богородицы“ в оханском фольклоре». Здесь же собраны материалы по таким памятникам народной культуры, как «Сказание о двенадцати пятницах», «Сказание Мефодия Патарского», «Сон Богородицы», «Иерусалимский список», «Хождение Богородицы по мукам» и др.

Без сомнения, исследование П. С. Богословского по взаимосвязям древнерусской письменности и народной поэзии, будь оно закончено, могло бы стать заметным событием в истории русской филологии. Однако уже к концу двадцатых годов стало ясно, что жанры устной словесности, отражающие христианское мировоззрение русского народ, в глазах властей являются крамольными. Официальная фольклористика старательно выхолащивала многомерность народного творчества, низводя все его содержание до мотивов бедности и угнетенности крестьянства, социального протеста и сатиры. К началу тридцатых годов П. С. Богословский понял, что данная тема для него закрыта.

Архивные материалы в значительной мере расширяют наше представление о П. С. Богословском-фольклористе. Фонд содержит материалы по двум экспедициям, в которых он принимал участие. Первая состоялась весной 1917 г. и ставила перед собой археографические, диалектологические и фольклористические задачи. Осуществлена она была на средства Н. В. Мешкова. Участвовали в ней П. С. Богословский, А. П. Кадлубовский, И. Г. Раев и С. П. Галкин. Маршрут экспедиции проходил по Каме и Вишеру. В Чердыни экспедиционеры познакомились с древними актами, хранящимися в местном музее и в личном собрании богатых промышленников Алиных. В Чердыни же произошло соприкосновение П. С. Богословского с былинной традицией. «Алины специально для нашей экспедиции вызвали с Печоры сказителя Плотникова, который был помещен в том же доме, где и мы. Плотников — старик с богатым репертуаром былинной поэзии. Кстати, он пропел нам много песен из свадебной обрядности, причем большинство свадебных песен Плотникова очень близко по стилю стоит к «вольным» текстам из Сборника Кириши Данилова. Я записал от Плотникова ряд интереснейших свадебных наговоров дружек», — сообщает ученый в своих воспоминаниях (оп. 2, № 27, л. 16). К сожалению, записи 1917 г., по-видимому, погибли: в архиве П. С. Богословского их нет.

Фольклорные записи экспедиции 1930 г. в Добрянский район Пермской области частично сохранились: тетрадь с плясовыми песнями Ивана Голубцова из с. Голубята (оп. 1, № 121); свадебные, хороводные, проголосные песни (оп. 1, № 120, л. 14—34); прозаический пересказ былинных сюжетов об исцелении Ильи Муромца и Соловье Разбойнике (оп. 1, № 120, л. 5—13).

Собственноручные записи народной поэзии в архиве П. С. Богословского весьма немногочисленны. Большая часть их, по видимому, погибла. Тем не менее фонд П. С. Богословского может представлять для фольклористов значительный интерес. Дело в том, что, как свидетельствуют документы, П. С. Богословский в 1920-е—1930-е гг. был одним из координаторов фольклорно-собирательской работы на Урале. К нему, как к авторитетному специалисту по народной поэзии, обращались фольклористы-любители, ему они доверяли свои материалы. Записи фольклористов-любителей, хранящиеся в фонде П. С. Богословского, являют собой довольно значительную коллекцию и составляют ед. хр. 82—123 в описи № 5. Среди этих материалов привлекает внимание общая тетрадь с песенным фольклором из Оханского и других уездов Пермской губернии, принадлежавшая собирателю Ворошилову (оп. 5, № 83). Записи эти сделаны в дореволюционной и современной орфографии, и относятся, по видимому, к 1910-м—началу 1920-х гг. Хороводные песни из Мамлыжского уезда Вятской губернии представлены в записи учителя Н. И. Пантюхина (оп. 5, № 99). Целый ряд рукописей содержит материал по свадебному фольклору. Записи Валентина Николаевича Серебренникова в Вятском и Пермском крае составляют ед. хр. 103—105. Рукопись собирателя Н. Горева содержит ценные сведения по свадебному обряду Шадринского региона (оп. 5, № 85). Материал по свадьбе содержится и в рукописи крестьянина И. В. Иванова «Свадебные обычаи и песни крестьян Стряпунинской волости Оханского уезда Пермской губернии» (оп. 5, № 97). Подробная характеристика фольклорных материалов Пермского края в архиве П. С. Богословского дана в работах З. И. Власовой, поэтому мы на этом вопросе больше не останавливаемся.⁴²

В московский период жизни, в 1932—1935 гг., к П. С. Богословскому стали стекаться фольклорные материалы и из регионов, не относящихся к Уральскому краю. В частности, одним из корреспондентов ученого был собиратель из Костромской губернии Михаил Михайлович Зимин. Этот фольклорист-любитель оставил довольно заметный след в краеведении Костромского края.⁴³ В фонде П. С. Богословского материалы М. М. Зимина составляют целый блок (оп. 5, № 87—96). Это записи песенных жанров, свадебного обряда, детского фольклора, частушек из Костромского региона, сделанные им в 1920-е гг. Наибольшую ценность представляют песенно-эпические формы, зафиксированные собирателем в том же крае: былинный текст, контаминирующий сюжеты о Скимине-звере и о Добрыне Никитиче и неудавшейся женитьбе Алеши Поповича (оп. 5, № 88, л. 1); былина об Илье Муромце на корабле (л. 8); духовный стих о разорении Соловецкого монастыря (л. 3—7); историческая песня об Александре I и декабристах, известная по зачину «Царя требуют в сенат» (л. 9); историческая песня о Платове-казаче (л. 10); баллады на сюжет «Монашка сына родила» (л. 11) и «Муж-разбойник убивает брата своей жены» (л. 12). Особенно интересны в ряду перечисленных произведений записи былин, вносящие новый, дополнительный штрих в решение проблемы географического распространения этого жанра.

В 1932—1935 гг., в первый московский период жизни, научная деятельность П. С. Богословского продолжает быть тесно связанной с фольклористикой. Но как уже было сказано, научное значение статей этого времени невелико. Диссертация же по Сборнику Кирши Данилова так никогда и не была издана. Таким образом, для истории науки о народной словесности П. С. Богословский остается ученым только 1920-х гг. В дальнейшем он практически никак не влиял на развитие фольклористики. Судьба П. С. Богословского как фольклориста оказалась драматичной. Тоталитарный режим не дал возможности развернуться во всей многогранности таланту этого чуткого знатока народной словесности.

П. С. Богословский как литературовед, специалист по литературе XIX—начала XX вв., равным образом, как и П. С. Богословский-фольклорист, также выросал на почве краеведения. Практически все темы по истории русской литературы, которыми занимался ученый, связаны с Пермским краем. В двадцатые годы он воскресил из небытия имя Анны Александровны Кирпищиковой, пермской писательницы, сотрудничавшей с некрасовскими «Современником» и «Отечественными записками». В 1926 г. А. А. Кирпищикова была еще жива. П. С. Богословский устроил в ее честь вечер в Пермском университете, посвятил ее творчеству специальную статью.⁴⁴ В архиве ученого находится ряд документов, связанных с А. А. Кирпищиковой: ее воспоминания о хлопотах по поводу арестованного в 1886 г. в Петербурге сына и автобиография, написанная ею по просьбе П. С. Богословского (оп. 6, № 15, 16).

Естественен для П. С. Богословского интерес к творчеству Д. Н. Мамина-Сибиряка, уроженца Висимо-Шайтанского завода Пермской губернии. В 1923 г. ученый опубликовал статью где стремился доказать, что Д. Н. Мамин-Сибиряк не просто бытописатель Урала, этнограф, каковым он представлялся многим, а писатель национального масштаба.⁴⁵ В двадцатые годы, как следует из названной статьи, П. С. Богословский писал монографию о Д. Н. Мамине-Сибиряке. Работа эта, по-видимому, осталась незаконченной, и следов ее в архиве исследователя не содержится. Однако имя П. С. Богословского как специалиста по творчеству Д. Н. Мамина-Сибиряка было хорошо известно филологам. В 1930 г. П. С. Богословскому пишет Н. К. Пиксанов с предложением взять на себя комментирование произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка, издание которых предполагалось в издательстве «Художественная литература» (оп. 3, № 169). Результатом этого сотрудничества стало издание в 1934 г. романа «Приваловские миллионы»⁴⁶— со вступительной статьей и комментариями П. С. Богословского. В том же 1934 г. А. С. Ладейщиков, редактор Свердловского издательства, обратился к ученому с той же просьбой о комментировании произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка (оп. 3, № 124). П. С. Богословский написал для Свердловского издательства подробные и содержательные комментарии к таким произведениям, как «Приваловские миллионы», «Горное гнездо», «Бойцы», «Три конца» (см. черновые рукописи, машинописные варианты к данной теме: оп. 1, № 20, 24, 25, 27, 28), но вышло в свет это издание уже после ареста исследователя.⁴⁷ С выплатой гонорара, естественно, произошли проволочки, и Алек-

сандре Николаевне Богословской, жене ученого, пришлось обращаться в суд для решения этого вопроса (см. документы по судебному иску — оп. 2, № 37).

Имя А. Н. Радищева в сфере внимания П. С. Богословского также вошло в связи с тем, что в «Записке путешествия в Сибирь» (1790—1791 гг.) и в «Дневнике путешествия из Сибири» (1797 г.) писатель давал характеристику Пермско-Уральскому краю.⁴⁸ Интерес к А. И. Герцену определился пермским эпизодом в жизни писателя.⁴⁹ Ссылка в Пермь Н. И. Гулака, деятеля украинофильского движения, была главной побудительной причиной того, что П. С. Богословский собрал материал к биографии этого представителя российской культуры (см. оп. 1, № 129).

Особое место в научных интересах П. С. Богословского занимало творчество В. Я. Шишкова. П. С. Богословский и В. Я. Шишков были лично знакомы. «Моя первая встреча с Вячеславом Яковлевичем Шишковым произошла в октябре 1924 г., в Крыму, в знаменитой Гаспре, связанной с именами многих выдающихся представителей русской культуры <...> С первых же бесед о литературе, о русской культуре, о советских писателях и творчестве вообще наши с Вячеславом Яковлевичем отношения приняли дружеский характер, и через месяц мы расстались уже крепкими друзьями. Сразу же началась у нас переписка», — вспоминал П. С. Богословский в пятидесятые годы, публикуя 12 писем писателя.⁵⁰

В. Я. Шишков бывал в пермском доме Богословских; ученый также гостил у Шишковых в Детском Селе. В архиве сохранились фотографии, где В. Я. Шишков снят вместе с П. С. Богословским (оп. 2, № 59, 60). Огромный интерес представляют письма писателя к П. С. Богословскому (оп. 3, № 231, 232 — всего 66 писем за 1925—1944 гг.), причем совершенно очевидно, что это только часть эпистолярной. Так, в архивных материалах писем В. Я. Шишкова, которые П. С. Богословский опубликовал, нами не обнаружено.

Слова П. С. Богословского о дружеском характере отношений с В. Я. Шишковым не являются преувеличением. Писатель живо откликнулся на все проблемы П. С. Богословского, стремился ему помочь, подбодрить в трудные минуты жизни. 21 января 1932 г., например, узнав о пермских «неприятностях» ученого, он пишет: «Печальное письмо Ваше получил. В таких тяжелых случаях жизни самое главное — спокойствие, выдержка, терпение, уверенность в себе. Вы же сами хотели сменить педагогическую деятельность, которая отняла от Вас много сил, на более легкую. Вот случай и помог: худшее может внезапно обернуться в лучшее, именно в то, к чему Вы стремились <...> — к научно-исследовательской работе собственноручно» (оп. 3, № 232, л. 17). Как можно понять из этого же письма, В. Я. Шишков предпринимал какие-то шаги для решения вопроса о переезде П. С. Богословского из Перми: «Не сегодня-завтра я буду говорить о Вас с профессором Никольским, а может быть и с президентом Академии Карпинским — я знаком с ним. О результатах напишу через два-три дня» (там же).

Судя по письмам В. Я. Шишкова, в середине 1925 г. П. С. Богословский задумал писать большое исследование о творчестве писателя. В. Я. Шишкову идея понравилась, и он охотно присылает

П. С. Богословскому свои произведения, изданий которых нет в Перми, сообщает о жизненных фактах, легших в их основу, делится с ученым творческими планами. Осенью 1927 г. первый вариант монографии был закончен, и В. Я. Шишков с ней познакомился: «Общую оценку кропотливого, честного Вашего труда мне, по некоторым причинам, не зависмым от публики, сказать трудно. Я бы сказал — хорошая работа, но требующая значительного сокращения в одних местах, дополнения в других и некоторой переработки <...> Я вместе с тем настаиваю, чтобы все отрицательные стороны моего творчества, выявленные Вами, не только остались, но были бы умножены вдвое, втрое: Вы слишком милостливы ко мне и добры».⁵¹ В. Я. Шишков берет на себя переговоры с издательствами по поводу публикации монографии. Но все попытки издать книгу остались безуспешными. Переговоры с издательствами «Федерация» и «Заводы и фабрики» ничего не дали. 4 апреля 1929 г., вернувшись из Москвы после еще одной неудачной попытки, писатель сообщал П. С. Богословскому: «Книгу Вашу читал редактор <...> Свистунов Илья Яковлевич. Он дал отрицательный отзыв, который будет вам сообщен. Вся беда в том, что, по его словам, в работе совершенно отсутствует марксистский подход (метод), а это теперь — смертный грех. По его мнению, такую книгу не разрешат и в Перми (если там есть сознательные коммунисты), а если и разрешат, то исключительно для того, чтобы потом сделать Вам неприятность <...> Я же лично Вашу книгу ценю: она вполне научна, добросовестно продумана. Только малость длинновата» (оп. 3, № 231, л. 54 об.).

Машинопись этого большого исследования, не отвечавшего «марксистскому методу» — «Вячеслав Шишков. Опыт монографического обзора жизни и творчества» — хранится в фонде П. С. Богословского (оп. 1, № 1—2). Эта работа, во многом основанная на многочисленных письмах писателя к ученому, и до сих пор представляет огромный интерес как документальный источник для изучения творчества В. Я. Шишкова. Опубликованная вовремя, она, без сомнения, была бы заметным явлением в кругу исследований, посвященных творчеству автора «Угрюм-реки». К сожалению, из своих многочисленных наработок по творчеству В. Я. Шишкова П. С. Богословскому удалось напечатать только статью о взаимоотношениях В. Я. Шишкова с А. М. Горьким.⁵² Как видим, все крупные исследования ученого — труд о взаимосвязях древнерусской литературы и фольклора, работу по Сборнику Кириши Данилова, монографию о Вяч. Шишкове, и даже безупречную в идеологическом плане работу «Ленинская национальная политика и фольклор» — постигла одна и та же судьба: они никогда не увидели свет.

Дружеские связи П. С. Богословского и В. Я. Шишкова определялись не только исключительно взаимоотношениями «литературовед»/«писатель»; это была дружба двух людей, каждый из которых знал радость художественного творчества.

Склонность П. С. Богословского к литературному творчеству обозначилась еще в подростковом возрасте и замешана она была опять-таки на его любви к преданиям родного края. «В 1904 году я, находясь под впечатлением легенд и былей о камских вольных людях, написал повесть, где фигурировали бурлаки, разбойники. По-

весть заняла несколько десятков страниц и была насыщена преданиями, песнями. Сказалось сильное влияние „Юрия Мирославского“, „Князя Серебряного“ и многих других романтических произведений, которыми я тогда зачитывался», — вспоминает ученый в своей развернутой автобиографии (оп. 2, № 21, л. 4 об.).

Первый опубликованный рассказ относится, как свидетельствует тот же документ, к 1906 г. Нам не удалось пока обнаружить тот печатный орган, где П. С. Богословский выступил в качестве начинающего писателя. Произведением же этим, скорее всего был рассказ «Вино погубило», вошедший в его сборник «Жизнь зовет: Рассказы, очерки, воспоминания» (Пермь, 1913). Под этим рассказом стоит дата 9 декабря 1906 г. Сюжет рассказа характерен для произведений, посвященных народному быту: крестьянин едет в город продать живность, заходит в винную лавку, где случайные собутыльники спаивают его, крадут деньги и лошадей, после чего герой замерзает недалеко от собственного дома, оставив сиротами своих детей.

Литературным творчеством П. С. Богословский продолжал заниматься и на протяжении всех студенческих лет. Произведения, написанные в этот период, и составили названный выше сборник «Жизнь зовет». Все произведения, как можно судить, автобиографичны в своей основе. Камские впечатления отразились в рассказе «На плотках». Воспоминания детства — о том, как он заблудился в лесу, откуда его вывел лесник, — составили сюжет рассказа «В лесу». В рассказе «По окончании семинарии» рисуется бывший семинарист, ищущий себе невесту накануне принятия священнического сана. Эта тема также была близка П. С. Богословскому по семейным впечатлениям. Ряд произведений связан с жизнью петербургского студенчества («Жизнь зовет», «После бала», «Иван Андреевич» и др.).

В зрелые годы П. С. Богословский не оставляет литературного творчества, хотя опубликовать свои художественные произведения ему больше нигде не удалось. В архиве ученого сохранились два больших произведения — «Костаревская бригада» и «Университетская история». Роман «Костаревская бригада» (оп. 1, № 154, 155) был закончен в июле-августе 1932 г. и в архиве ученого сохранился в машинописном виде (второй экземпляр). Повествование развивается вокруг комсомольской бригады Мишки Костарева, которая увлечена собиранием материалов по истории своего завода. В образе одного из героев романа, старого русского интеллигента Дергачева, краеведа, явственно прочитываются автобиографические черты. П. С. Богословский сделал попытку напечатать роман, но рукопись была отвергнута. Из журнала «Молодая гвардия» был получен такой ответ: «Ваш роман „Костаревская бригада“ следует признать неудачным. По рукописи (сильно растянутой) получается неверное представление о комсомоле, о роли молодежных бригад на производстве. Костаревская бригада, которая нигде Вами не показана в цеху, у станков, только и занимается историей завода» (оп. 1, № 154, л. 50). Идеологический упрек звучит вполне в духе времени. Однако справедливости ради надо сказать, что роман, действительно, растянут и не может быть признан художественной удачей.

Роман «Университетская история» (оп. 1, № 156, 157) П. С. Богословский начал писать, по-видимому, еще в начале двадцатых годов; продолжил же работу над ним в феврале 1936 г., во время своего пребывания в КАРЛАГе. Это произведение, кажется, закончено не было. Во всяком случае в архиве сохранились только его рукописные фрагменты. Действие романа происходит в университетской среде выдуманного города Биармии, в котором легко узнается Пермь. Некоторые образы этого произведения (Грушанский, Павловский) автобиографичны в своей основе. Без сомнения, имеют своих прототипов и другие герои этого произведения. С замыслом романа П. С. Богословский познакомил В. Я. Шишкова. На склоне лет не без гордости ученый отмечал в своих мемуарах: «... с 1924 г., в беседах со мной Вячеслав Яковлевич Шишков, ознакомившийся с моими произведениями и планами творческой работы, очень досадовал, что я оставил литературную работу. Его очень заинтересовал мой рукописный роман „Университетская история“» (оп. 2, № 23, л. 19). Думается, писатель был слишком снисходителен к П. С. Богословскому как к художнику слова. Однако роман являет собой определенный интерес как художественное отражение истории Пермского университета.

Архивный фонд П. С. Богословского, как мы пытались показать, представляет большой интерес не только как источник для восстановления научной биографии этого видного ученого. Здесь сосредоточены документы, которые являются важным материалом в исследовании многих тем: устная народная поэзия Пермского края и других регионов; рукописная традиция Прикамья; учебные заведения Перми и их история (духовные училища, семинарии, университет); деятельность Кружка по изучению Северного края и Литературно-театрального музея; творчество В. Я. Шишкова; политические репрессии в тридцатые годы и т. д. Документы эти, без сомнения, найдут своего исследователя.

¹ См. библиографический указатель трудов П. С. Богословского, правда, крайне неполный и страдающий многими ошибками: *Шару А. К.* Богословский Павел Степанович (Библиографические материалы). Пермь, 1966. Работы ученого также зафиксированы в следующих отраслевых библиографиях: 1) Русский фольклор: Библиографический указатель. 1917—1944 / Сост. М. Я. Мельц. Л., 1966; 2) *Дробленкова Н. Ф.* Библиография советских русских работ по литературе XI—XVII вв. за 1917—1957 гг. М.; Л., 1961; 3) История русской литературы XIX века: Библиографический указатель / Под ред. К. Д. Муратовой. М.; Л., 1962; 4) История русской литературы XVIII века: Библиографический указатель / Сост. В. П. Степанов и Ю. В. Стенник. Л., 1968. О П. С. Богословском см.: *Кашихин Л. С.* Фольклорист, литературовед // Календарь-справочник Пермской области. 1970. Пермь, 1969. С. 76—77.

² *Мальшев В. И.* Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского Дома // Русская литература. 1967. № 1. С. 196.

³ *Мальшев В. И.* Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского Дома // Русская литература. 1968. № 2. С. 203.

⁴ *Ромодановская Е. К.* Повесть о Димитрии кесаре Римском // Труды отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. Л., 1969. Т. 24. С. 218—222.

⁵ *Мазунин А. И.*: 1) Наследие пытливого искателя // Уральский следопыт. Свердловск, 1968. № 1. С. 48—49; 2) Уральские материалы в собрании рукописей П. С. Бо-

гословского // Ученые записки Пермского государственного университета. Пермь, 1969. № 192: Кафедра рус. яз. и общего языкознания. Лексика. Грамматика. Материалы и исследования по русскому языку. С. 123—126.

⁶ Личные архивные фонды в хранилищах СССР. Указатель. М., 1980. Т. 3. С. 59. № 925.

⁷ Богословский П. С. Университет в Перми (К переводу Юрьевского университета в Пермь) // Пермские губернские ведомости. 1915. 21 нояб.

⁸ Журналы заседаний Комитета Пермского церковно-археологического общества // Известия Пермского епархиального церковно-археологического общества. Пермь, 1915. Вып. 1. С. 3—46 (2-я пагинация).

⁹ Богословский П. С.: 1) Из собрания церковной старины при Пермском церковно-археологическом обществе // Известия Пермского епархиального церковно-археологического общества. Пермь, 1915. Вып. 1. С. 24—31; 2) Вновь поступившие в Древлехранилище церковно-археологического общества предметы // Там же. С. 59.

¹⁰ Богословский П. С. Подземный ход и археологические раскопки в селе Пыскоре Соликамского уезда // Там же. С. 92—140.

¹¹ Богословский П. С. Замечательная надпись XVII века, высеченная на каменной церкви Верх-Боровского села Чердынского уезда // Там же. С. 80—82.

¹² Богословский П. С. Архимандрит Иакинф (Со старинной рукописи) // Там же. С. 67—79.

¹³ Богословский П. С. К вопросу о материальном положении духовенства в Пермском крае в первой четверти XVIII столетия по архивным данным // Там же. С. 32—36.

¹⁴ Богословский П. С. Рукопись на бересте // Там же. С. 37—40.

¹⁵ Богословский П. С. Строгановский крест (нач. XVII в.) // Материалы по изучению Пермского края / Перм. науч.-пром. музей. Пермь, 1915. Вып. 5. С. 1—5.

¹⁶ Богословский П. С. Верхотурские царские грамоты (нач. XVII века) // Там же. С. 10—32.

¹⁷ Богословский П. С. К восстановлению и реорганизации Пермского научного музея // Экономика. 1924. № 12 (19). С. 83—84. См. также о музее в других работах П. С. Богословского: 1) На путях к культурному и экономическому возрождению // Экономика. 1923. № 2—3. С. 68—70; 2) Краеведческая работа в г. Перми, ее перспективы и областное значение // Экономика. 1923. № 9. С. 53—58.

¹⁸ О деятельности Кружка см. в статьях П. С. Богословского: 1) Краеведческая работа при Пермском университете // На третьем фронте. Пермь, 1923. № 1. С. 94—95; 2) Кружок по изучению Северного края при Пермском университете // Север. Вологда, 1923. Кн. 2. С. 224—226; 3) К изучению края (о краеведческой работе в Пермском университете) // Экономика: Ежемесячный орган Пермского губернского экономического совещания. 1923. № 1. С. 33—34; 4) На путях к культурному и экономическому возрождению // Экономика. 1923. № 2—3. С. 68—70; 5) Кружок по изучению Северного края при Пермском университете и его деятельность (Краткий отчет. Янв. 1923—март 1924 гг.) // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1924. Вып. 1. С. 97—100; 6) О деятельности кружка по изучению Северного края при Пермском университете // Экономика. 1925. № 2—3 (33—34). С. 70—71; 7) О Кружке по изучению Северного края при Пермском университете // Экономика. 1926. № 5 (36). С. 86—87; 8) Кружок по изучению Северного края при Пермском университете // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1926. Вып. 2. С. 177—180; 9) Кружок по изучению Северного края при Пермском университете // Известия Центрального бюро краеведения. 1929. № 2. С. 25. См. также: Бояринов М. К. Кружок по изучению Северного края при Пермском университете // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1926. Вып. 2. С. 177—180; М. Б. В Кружке по изучению Северного края при Пермском университете // Кунгурско-Красноуфимский край. 1925. № 8—10. С. 38. — Авт.: М. К. Бояринов.

¹⁹ См.: Толстой А. Н. Собрание сочинений: В 15 т. М.; Л.: ГИЗ, 1927—1931. Речь, по-видимому, идет о т. 13 (Любовь — книга золотая и другие пьесы).

²⁰ Имеется в виду издание: Толстой А. Н. Сочинения. Т. 10: Комедии о любви. М.: Книгоиздательство писателей, 1918.

²¹ Толстой А. Н. Горький цвет: Пьесы. Берлин: Русское универсальное изд-во, 1922.

²² Письма Л. Н. Толстого / Собр. и ред. П. А. Сергиенко. М., 1911. Т. 2. С. 178—179.

²³ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Сер. третья: Письма. М., 1954. Т. 70—71. С. 23—24. № 23.

²⁴ Круглов Алексей Николаевич (1866—1902) — оперный певец (баритон). Выступал в Казани, Одессе, Киеве, Перми и других провинциальных городах. См.: Иванов А. С. Круглов Алексей Николаевич // Музыкальная энциклопедия. М., 1976. Т. 3. С. 66.

²⁵ Девос-Соболева Елена Викторовна (1875—1945) — певица (лирико-колоратурное сопрано) и педагог. Родилась в Бельгии, с 1880 г. жила в России. С 1898 г. пела в оперных антрепризах Перми, Нижнего Новгорода и других провинциальных городов. В 1918—1921 гг. — солистка театра Пролеткульта и преподаватель народной консерватории в Нижнем Новгороде. В 1923—1940 гг. — профессор Ленинградской консерватории. См.: *Зарубин В. И. Де-Вос-Соболева Елена Викторовна // Музыкальная энциклопедия. М., 1974. Т. 2. С. 182.*

²⁶ Пермский сборник. Пермь, 1859. Кн. 1; 1860. Кн. 2.

²⁷ *Дмитриев А. А.* Пермская старина: Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. [В 8 вып.]. Пермь, 1889—1900.

²⁸ *Богословский П. С.* Уральский список «Горя от ума» 1829—1831 гг. // Ученые записки Пермского государственного университета. № 1. Отд. Общественные науки. Вып. 1. Пермь, 1929. С. 195—218.

²⁹ См.: *Богословский П. С.*: 1) Первое совещание по фольклору при оргкомитете Союза советских писателей в Москве 15 декабря 1933 г. // Сов. краеведение. 1934. № 1. С. 68—69. — Подпись: П. Б.; 2) Работа ЦБК в области фольклора // Сов. краеведение. 1934. № 2. С. 63—64; 3) О советском революционном эпосе и методике его собирания и изучения (спорные вопросы доклада Мирера и Боровика «Рабочие сказки о Ленине») // Сов. краеведение. 1934. № 7. С. 39—46. — Подпись ошибочно: П. Богуславский; 4) О фольклоре гражданской войны и методике его собирания // Сов. краеведение. 1934. № 11. С. 35—40; 5) Фольклор в работах Центрального бюро краеведения // Сов. этнография. 1934. № 1—2. С. 19—20; 6) [Рец. на изд.: Советский фольклор. Статьи и материалы. Л., 1934] // Там же. С. 54 и др.

³⁰ См. библиографию работ П. С. Богословского, подготовленную А. К. Шарцем.

³¹ *Богословский П. С.* Песня об Усах из Сборника Кириша Данилова и камская вольница. Опыт анализа и локализации текста // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1928. Вып. 4. С. 1—117.

³² *Н. Ф.* [Рец. на кн.: Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1928. Вып. 4] // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете. 1929. Т. 34, вып. 3—4. С. 351.

³³ См.: *Шакинко И.* Кириша Данилов и Урал // Урал. 1989. № 12. С. 145—147; *Горелов А. А.* Кириша Данилов — реальное историческое лицо // Русский фольклор: Эпические традиции. СПб., 1995. Т. 28. С. 97—110. См. также недавно вышедшую статью А. А. Горелова, где подробно проанализирована диссертация П. С. Богословского (отметим, кстати, что А. А. Горелов ссылается на временные номера единиц хранения в архиве ученого): *Горелов А. А. П. С. Богословский — исследователь Сборника Кириша Данилова // Из истории русской фольклористики. СПб., 1998. С. 280—297.*

³⁴ Шиши — прозвище двух друзей-студентов.

³⁵ *Богословский П. С.* Литературно-фольклорный музей // Звезда. 1947. 31 дек., № 259.

³⁶ *Богословский П. С.* Материалы по народному быту, фольклору и литературной старине // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1924. Вып. 1. С. 72.

³⁷ *Богословский П. С.* К номенклатуре, топографии и хронологии свадебных чинов (по данным этнографической литературы и рукописным материалам Русского географического общества) // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1927. Вып. 3. С. 1—63.

³⁸ *Богословский П. С.* Из местных историко-литературных разысканий (I—III) // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1926. Вып. 2. С. 20.

³⁹ *Богословский П. С.* Демонологический рукописный мотив и северная сказка // Север. Вологда, 1923. Кн. 2. С. 170—173.

⁴⁰ *Богословский П. С.* Рукописная традиция в Шадринском фольклоре // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1924. Вып. 1. С. 66—70.

⁴¹ *Богословский П. С.* Из местных историко-литературных разысканий. III. Оханская загадка и житийная литература. Определенное значение имеют и другие опубликованные работы ученого периода двадцатых годов. См.: *Богословский П. С.*: 1) Кунгурские рукописные заговоры и их научное значение // Кунгурско-Красноуфимский край. 1925. № 3. С. 25—28; 2) Крестьянская свадьба в десах Вильвы Пермского округа // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1926. Вып. 2. С. 128—159; 3) Обработка льна и «копотиха» в Добрянском районе Пермского округа // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1927. Вып. 3. С. 105—117.

⁴² *Власова З. И.* 1) Фольклорное наследие П. С. Богословского (Материалы пермского фольклора в архиве П. С. Богословского) // Фольклор и литература Урала: Тезисы докладов, сообщения. Пермь, 1971. С. 69—70; 2) Фольклорные материалы в архиве

П. С. Богословского // Фольклор Урала: Бытование фольклора в современности (на материале экспедиций 60—80-х годов). Свердловск, 1983. С. 147—156.

⁴³ См. о нем подробнее: Материалы М. М. Зимина из архива Д. К. Зеленина / Публ. Т. Г. Ивановой // Русский эротический фольклор: Песни. Обряд и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки. М., 1995. С. 527—536.

⁴⁴ Богословский П. С. Сотрудница «Современника» и «Отечественных записок», пермская писательница А. А. Кирпищикова // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1926. Вып. 2. С. 74—93.

⁴⁵ Богословский П. С. Памяти писателя-пермяка Д. Н. Мамина-Сибиряка // Научно-педагогический вестник. Пермь, 1923. № 1. С. 48—61. См. также: К анализу социальной типологии Мамина-Сибиряка // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1928. Вып. 4. С. 238—271.

⁴⁶ Мамин-Сибиряк Д. Н. Приваловские миллионы / Ред., статьи и коммент. П. С. Богословского. М., 1935.

⁴⁷ Мамин-Сибиряк Д. Н. Избранные сочинения: В 5 т. Свердловск, 1935. Т. 1—3.

⁴⁸ Богословский П. С.: 1) Сибирские путевые записки Радищева, их историко-культурное и литературное значение. С приложением материалов о Пермском крае // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1924. Вып. 1. С. 1—28; 2) Радищев в Сибири // Сибирские огни. 1926. № 3. С. 112—123.

⁴⁹ Богословский П. С. Александр Иванович Герцен // Герцен А. И. Кто виноват? Роман в 2-х частях. М.; Л.: ГИХЛ, 1933. С. 267—287.

⁵⁰ См.: Шишков В. Я. Неопубликованные произведения. — Воспоминания о В. Я. Шишкове. — Письма. Л., 1956. С. 367. Расширенный вариант воспоминаний о В. Я. Шишкове см.: Богословский П. С. Друг // Воспоминания о В. Я. Шишкове. М., 1979. С. 100—104. См. также: Письма В. Я. Шишкова к П. С. Богословскому / Публ. З. И. Власовой // Русская литература. 1973. № 4. С. 146—152; Бахметьев В. Вячеслав Шишков: жизнь и творчество. М., 1947 (где использованы некоторые письма писателя к П. С. Богословскому).

⁵¹ Шишков В. Я. Неопубликованные произведения. С. 269—270.

⁵² Богословский П. С. Три неизданных письма Горького // Труды Орехово-Зуевского педагогического института. Кафедра языка и литературы. М., 1936. С. 35—40.